

На правах рукописи

Александрова Екатерина Владимировна

**ТЕКСТЫ ПИРАМИДЫ УНИСА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПАМЯТНИКА РАННЕЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

24 ОКТ 2013

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва — 2013

Работа выполнена в Учебно-научном Центре изучения религий Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора искусства стран Азии и Африки отдела региональных культур Государственного института искусствознания

Чегодаев Михаил Андреевич

Официальные оппоненты: доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения Российской академии наук

Куценков Петр Анатольевич

кандидат искусствоведения, заведующий отделом "Учебный художественный музей им. И.В. Цветаева" ГМИИ им. А.С. Пушкина

Лаврентьева Ника Владимировна

Ведущая организация: **Российский университет дружбы народов**

Защита состоится « 18 » ноября 2013 г. в 14 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д.212.198.06 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, ГСП-3. Миусская площадь, д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993, Москва, ГСП-3. Миусская площадь, д.6.

Автореферат разослан « 14 » октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета –
кандидат культурологии

С.А. Еремеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Тексты пирамид, вырезанные на стенах внутренних помещений гробниц египетских царей и цариц V-VI династий, являются самыми ранними пространственными свидетельствами о религиозных представлениях человечества. На данный момент известно 10 таких комплексов изречений, и они датируются периодом примерно с 2350 по 2100 гг. до н.э. Появление текстов в пирамиде последнего фараона V династии Униса было сопряжено с целым рядом инноваций в религиозной практике, наиболее существенной из которых было то, что они явились первым письменным текстом, размещенным в Погребальной камере в непосредственной близости от тела умершего. Тем самым эти тексты предвосхитили богатую традицию древнеегипетской заупокойной литературы, в которой окружение покойного заклинаниями и изображениями стало неотъемлемой составляющей его благополучного загробного путешествия к вечной жизни.

Тексты пирамид стали воплощением целого комплекса мифологических представлений и обрядовых практик, которые можно проследить в изобразительных и архитектурных памятниках с додинастического и раннединастического периода, и которые продолжали играть ведущую роль в развитии культуры Египта на протяжении всей истории. Прежде всего, необходимо указать на отражение в Текстах пирамид космологических представлений, преломленных через призму царской идеологии, которые являются самым ранним вербальным воплощением древнеегипетской модели космоса, государства и космогонической деятельности фараона, которая сохраняла свою актуальность для всех эпох египетской истории. Кроме того, ритуальные изречения Текстов пирамид позволяют проследить основные принципы древнеегипетской жертвенной практики, в которой ритуальное действие и слово тесно переплетаются.

Изучение этого древнего памятника связано с целым рядом трудностей как практического, так и теоретического характера. Практические сложности связаны, прежде всего, с архаичностью языка. Однако наиболее существенные трудности имеют теоретический характер в силу того, что Тексты пирамид, созданные на начальном этапе формирования письменной традиции, имеют ряд черт, отличных от традиционно принятого в египтологии понимания письменного текста как текста литературного и роднящих их с произведениями устной традиции.

Актуальность исследования

Актуальность исследования Текстов пирамид определяется тем, что они являются наиболее ранней фиксацией как древнеегипетских религиозных представлений, так мифологических и ритуальных текстов в целом. В настоящее время при наличии целого ряда исследований, касающихся отдельных аспектов памятника, не существует работы, посвященной комплексному анализу Текстов пирамид в единстве их текстуальной, архитектурной и ритуальной составляющих. Отсутствие должного внимания к культурологической и религиоведческой интерпретации памятника даже в новейших зарубежных переводах Текстов пирамид оставляет эти интереснейшие тексты за пределами круга источников даже в рамках египтологии. Так, А.О. Большаков, приступая к исследованию религиозной практики эпохи Древнего царства, заключает: «на настоящем этапе следует отказаться от анализа Текстов пирамид и обратиться к памятникам, в которых связь с культовой практикой проявляется более явно» (Большаков А.О., 2001). Появление работы, посвященной комплексному анализу Текстов пирамид, представляется необходимым условием включения данного памятника в круг источников по изучению культуры и религии Древнего Египта как в рамках египтологии, так и в рамках смежных дисциплин.

Степень изученности проблемы

Практически каждый этап изучения Текстов пирамид, начиная с их открытия и продолжаясь публикациями, переводами и исследованиями, ставил совершенно особые задачи по освоению европейской наукой этого древнего и непривычного для современной книжной культуры памятника. История изучения Текстов пирамид связана с именами выдающихся ученых, обладавших поистине энциклопедическими знаниями.

В 1880-1881 гг. в некрополе Саккара французским исследователем Г. Масперо были обследованы пирамиды пяти фараонов Древнего Египта, внутренние помещения которых были покрыты столбцами иероглифических текстов. Сначала были открыты тексты пирамид фараонов VI династии Пепи I и Меренра, которые находились в сильно разрушенном состоянии. На этом фоне тексты пирамиды последнего фараона V династии, Униса, выглядели практически целыми. В течение десяти лет Г. Масперо публиковал обнаруженные тексты пирамид за пирамидой в журнале «Сборник трудов по египетской и ассирийской филологии и археологии» (Vols. III-XIV, 1882-1893), а в 1894 г. им было подготовлено сводное издание, озаглавленное «Надписи пирамид Саккары» (Maspero G., 1894). Г. Масперо явился и автором первого перевода Текстов пирамид на европейский язык — французский. Работа французского исследователя осложнялась сильной разрушенностью как помещений большинства пирамид, так и самих текстов. Кроме того и возможности для типографской печати были ограничены имевшимся набором шрифтов. Это привело к ряду неточностей, которые, тем не менее, не удивительны при первой публикации столь объемного материала и ничуть не умаляют ее значимости.

Работу над изданием Текстов пирамид продолжил немецкий ученый К. Зете, в распоряжении которого, кроме материалов Г. Масперо, оказались также фотографии и эстампажи текстов, сделанные германской миссией, которая на рубеже XX в. вновь провела тщательное исследование внутренних помещений пирамид в связи с подготовкой Берлинского словаря. В 1908–1910 гг. увидели

свет два тома, в которых памятник и получил распространенное в настоящее время название – «Тексты пирамид» (Sethe K., 1908–1910). В 1922 г. они были дополнены двумя томами, содержащими критический аппарат и подробное описание эпиграфики.

В этом же издании получила свое наименование основная текстуальная единица Текстов пирамид – изречение (Sprüche), обозначенная К. Зете в соответствии с египетской формулой «говорение слов», предвещающей большинство изречений. Сохранив общий порядок чтения текстов, принятый Г. Масперо – от погребальной камеры ко входу, – немецкий ученый, тем не менее, объединил параллельные тексты разных пирамид под одним номером изречения, на долгие годы предопределив восприятие «Текстов пирамид» как единого «сборника» заупокойных текстов. Работа К. Зете до сих пор остается основным изданием Текстов пирамид. Хотя задача подготовки их нового научного издания была поставлена Ж. Лекляном еще в 1972 г., в полной мере она не была решена. Однако, в 2001 г. группой ученых под руководством самого Ж. Лекляна были изданы тексты пирамиды Пепи I (Leclant J., 2001), собрание которых значительно пополнилось в ходе исследований, проводившихся в Саккаре на протяжении XX в.

Нужно отдельно отметить работу А. Пьянкова «Пирамида Унаса» (Piankoff A., 1968), в которой он сопроводил свой перевод текстов пирамиды Униса фотографиями иероглифических текстов. В настоящее время это издание оказывает значительную помощь при изучении данного комплекса текстов, дополняя издание К. Зете, выполненное автографическим способом. В 2002 г. на основе этого издания В. Брауном был создан интернет-сайт «Pyramid Texts Online», на котором интерактивный план пирамиды Униса был дополнен фотографиями соответствующих текстов. Таким образом, можно сказать, что тексты пирамиды Униса в наше время, как и в эпоху Древнего царства, не теряют своего революционного характера – впервые покорив сакральное пространство

«Текстов пирамид» из изречений различных комплексов, А. Пьянков не только выбрал для перевода одну пирамиду, но и предпочел порядок чтения текстов, обратный выбранному Г. Масперо и К. Зете. В его переводе тексты приводятся от входа к погребальной камере, отражая распространенное в середине XX в. представление о том, что расположение текстов в пирамиде воспроизводит последовательность погребальных обрядов.

Перевод Р. Фолкнера (Faulkner R., 1969) более традиционен – он ориентирован на перевод всего комплекса текстов и принимает направление чтения издания К. Зете. Эта работа имела две основные цели. С одной стороны, переводы Л. Спелеерса и Б. Мерсера, по мнению Р. Фолкнера, к тому моменту устарели с точки зрения изучения египетского языка, да и само собрание текстов пополнилось новыми изречениями, обнаруженными Г. Жекье в ходе раскопок конца 1920-х – начала 1930-х гг. (Jéquier G., 1928; 1933; 1935; 1936). Однако крайне показательной оказывается и другая мотивация подготовки данного перевода – сделать его более доступным как с финансовой (перевод и комментарий К. Зете занимал шесть томов и был довольно дорог), так и с литературной точки зрения: язык данного перевода максимально модернизирован. Кроме того, хотя наличие редактуры грамматического лица в текстах отмечается всеми исследователями, именно в переводе Р. Фолкнера этот факт впервые заслужил особое внимание: ученый непосредственно рекомендует интерпретировать изречения от первого лица, заменяя им имя фараона везде, где это возможно.

В 2005 г. Дж. Алленом был подготовлен еще один англоязычный перевод Текстов пирамид (Allen J. P., 2005), в котором переводы текстов пирамид пяти фараонов, открытых еще Г. Масперо, дополнены текстами из гробницы царицы Нейт. В этом издании тексты каждой пирамиды переведены отдельно и содержат собственную сквозную нумерацию. По аналогичному принципу организован и вышедший в 2009 г. перевод на французский язык, сопровождающийся транслитерацией, текстов пирамид Униса и Тети, подготовленный К. Карьером

(Carrier C., 2009). В 2013 г. Дж. Аллен опубликовал «Новый конкорданс Текстов пирамид», организованный по тому же принципу, что и издание К. Зете, но дополненный новой информацией. По возможности тексты в нем воспроизводятся по фотографиям или факсимиле.

Можно отметить, что предисловия к изданиям и переводам Текстов пирамид являлись и, фактически, остаются преимущественной сферой постановки вопроса о Текстах пирамид как едином и целостном памятнике. Их дополняют только общие рассуждения в работах, посвященных египетской литературе и религии. Среди первых таких общих характеристик текстов можно указать работу А. Эрмана «Древнеегипетская религия» (Erman A., 1909), в которой он бегло упоминает Тексты пирамид, характеризуя их как самый ранний этап развития египетской религиозной литературы, которая, по его словам, лишь отчасти соответствует привычному европейскому читателю представлению о литературе. Уже в работе Дж. Брестеда (Breasted J.H., 1912), посвященной истории древнеегипетской религии, содержится подробная характеристика Текстов пирамид и их содержания. Здесь представлена первая попытка систематизации изречений по своеобразным «жанрам» заупокойной литературы – жертвенный и погребальный ритуал, религиозные гимны, фрагменты мифов, хотя в целом автор придерживался мнения о бессистемности Текстов пирамид. В 1920-х гг. подробные обзоры Текстов пирамид были сделаны Б.А. Тураевым (Тураев Б.А., 1920) и А. Эрманом (Erman A., 1923) в общих работах по древнеегипетской литературе, а также стали частью обстоятельного труда Г. Кееса (Kees H., 1926), посвященного заупокойным верованиям древних египтян. В целом можно отметить, что на этом этапе ученые придерживались мнения о бессистемности Текстов пирамид, стараясь при этом по возможности классифицировать их содержание. В недавнее время этот подход к интерпретации Текстов пирамид получил свое развитие в работах Х. Хейса (Haas H.M., 2006; 2009; 2012), в которых он типологизирует изречения на основе реконструируемой

им изначальной перформативной структуры, стараясь определить источники, на базе которых сложился этот памятник.

В отношении таких общих характеристик нужно заметить, однако, что отмечая ряд существенных и действительно специфичных для Текстов пирамид черт, они никак не раскрывают их значение для понимания и интерпретации памятника. Более углубленные исследования были связаны с более узкой постановкой вопроса, которая, в результате, приводила к чрезмерному акценту на ритуальной или на мифологической стороне Текстов пирамид.

На ритуальные изречения Текстов пирамид внимание было обращено с самого начала: в 1909 г. тексты пирамид Униса и Пепи II были включены У. Баджем в рассмотрение истории «Литургии погребальных даров» (Budge E.A.W., 1909), которая, тем самым, прослеживалась от Древнего царства до греко-римского периода. В 1934 г. Г. Юнкером было обращено внимание на связь жертвенного культа в текстах пирамиды Униса с жертвенными списками частных гробниц (Junker H., 1934). В дальнейшем в работах таких ученых как В. Барта (Barta W., 1963; 1981), Х. Альтенмюллер (Altenmüller H., 1972; 1971), И. Шпигель (Spiegel J., 1956, 1971) и ряда других (Матье М.Э., 1958; Otto E., 1960; Roth A.M., 1992; Матье М.Э., 1996; Павлова О.И., 1999) связи между Текстами пирамид и жертвенным ритуалом, а также обрядом «отверзания уст и очей» были прослежены более подробно. Однако далеко не всегда результаты этих исследований оказывают влияние на перевод Текстов пирамид, что иллюстрирует характерную фрагментарность их изучения в египтологии.

Погребальный обряд стал также основой первых попыток целостной интерпретации Текстов пирамид. Впервые такой подход был предложен советским египтологом М.Э. Матье в статье «Тексты пирамид – заупокойный ритуал (о порядке чтения Текстов Пирамид)» (Матье М.Э., 1947). М.Э. Матье на основе сравнений Текстов пирамид с оформлением царских гробниц Нового царства обратила внимание на связь текстов с архитектурой и предположила, что изречения пирамид являются записью формул, произносившихся жрецами при

совершении погребальных обрядов. Похожие идеи были высказаны в 1950 г. немецкими исследователями Г. Рикке (Ricke H., 1950) и З. Шоттом (Schott S., 1950), которые, однако, предполагали соответствие между текстами внутренних помещений пирамид и ритуалами, проходившими во внешних храмовых помещениях. М.Э. Матье показала несостоятельность этой теории в своей статье «К проблеме изучения Текстов Пирамид» (Матье М.Э., 1958), однако, на протяжении долгого времени ее работы оставались неизвестными за границей. В целом эти исследования, хотя и знаменовали собой важный шаг от представления о бессистемности Текстов пирамид к поискам целостной интерпретации, не предложили убедительного решения. Прежде всего, невозможно свести смысл Текстов пирамид исключительно к ритуальной составляющей. Чрезмерное сосредоточение на ритуальном компоненте может привести и к преувеличениям, отразившимся в интерпретации Дж. Найдлером текстов пирамиды Униса как памятника инициационного характера (Naydler J., 2005). Эта интерпретация представляется малоубедительной, при том, что в самой работе сделано множество ценных наблюдений.

Изучение мифологического плана Текстов пирамид носило гораздо менее систематический характер. Сюда можно отнести множество работ, касающихся проявлений различных божественных персонажей, исследующих отдельные категории или же, например, проявление астрономических представлений египтян в Текстах пирамид. Представить здесь полную библиографию этих работ не представляется возможным (подробный библиографический обзор изучения Текстов пирамид на 1996 г. подготовлен Guilhou N., Mathieu B., 1997), но хотелось бы отметить работы Б. Матье, опубликовавшего несколько интересных исследований по текстам пирамиды Униса, в которых органично сочетаются различные тематические аспекты и внимательный анализ эпиграфических и лингвистических особенностей текста (Mathieu B., 1996; 2008; 2009; 2010; 2011).

В целом же можно сказать, что еще со времен А. Эрмана и Б.А. Тураева выделяется две основных темы: солярная и осирическая мифология. Эта

проблематика нашла любопытное отражение в работе Дж. Хеллум, специально посвященной проявлениям мифа в Текстах пирамид (Hellum J., 2001), которая, кроме всего прочего, демонстрирует показательную для египтологии необходимость доказывать наличие в Текстах пирамид мифа, происходящую из весьма узкого понимания этого термина. Проблема наличия мифа в Древнем Египте, впервые затронутая З. Шотом (Schott S., 1945), получила особенное развитие после влиятельной статьи Я. Ассмана (Assmann J., 1977). Обозначенный этим автором подход к мифу исключительно как к определенному рода повествованию до сих пор тормозит изучение мифологического компонента Текстов пирамид, ориентируя исследователей в большей степени на поиск «фрагментов мифов», нежели на изучение структурных особенностей памятника. Однако, в последние годы все больше внимания уделяется необходимости пересмотра египтологической точки зрения в понимании мифа (Goebis K., 2002; Joergensen J., 2011).

Одним из проявлений мифологической интерпретации, ориентированной на целостное прочтение Текстов пирамид, является реконструированное Дж. Алленом (Allen J.P., 1994) для текстов пирамиды Униси путешествие фараона из Дуата (загробный мир) в Небо через Ахет (горизонт). Такая интерпретация подразумевает отождествление помещений и проходов пирамиды с этими регионами иного мира. Однако Х. Хейсом (Hays H.M., 2009) было убедительно показано, что оно не находит подтверждения в Текстах пирамид.

Наряду с признанием особой роли Текстов пирамид в понимании ранних форм религиозного сознания, все исследователи признавали и невероятную архаичность языка этого памятника. Материал Текстов пирамид вошел в грамматику египетского языка Древнего царства Э. Эделя (Edel E., 1955), а также стал предметом специального исследования в работе С. Сандер-Хансен (Sander-Hansen C.E., 1956). Дж. Аллен посвятил работу глагольной системе Текстов пирамид (Allen J.P., 1984). Но только в вышедшей в 2011 г. работе К. Рейнтгеса (Reintges C.H., 2011) особенности языка Текстов пирамид были рассмотрены с

точки зрения принципов организации текстов в устном дискурсе, которые определяют характерные отклонения от грамматической нормы во многих изречениях Текстов пирамид.

В целом можно сказать, что итогом более ста лет изучения Текстов пирамид стала все большая специализация этой области египтологии. Тексты пирамид, фактически, сформировали замкнутую область изучения, в которую не могут с легкостью проникнуть не только исследователи истории религии и культуры, но и египтологи, не занимающиеся Текстами пирамид специально. При этом и в рамках исследований Текстов пирамид наблюдается значительная изоляция между различными аспектами изучения памятника. Таким образом, несмотря на обилие работ, содержащих филологические и историко-культурные комментарии к Текстам пирамид, их общее понимание в рамках египтологии не только не углубляется, но напротив становится все более туманным. Соответственно, говорить о доступности этих текстов за пределами египтологии не приходится вообще. Можно отметить в связи с этим вышедшую под редакцией А.С. Четверухина публикацию «Тексты пирамид» (Четверухин А.С., 2000), в которой были переизданы перевод, все еще во многом превосходящий современные западные переводы, и предисловие к нему А.Л. Коцейковского, предисловия к основным европейским изданиям и переводам Текстов пирамид, а также статьи М.Э. Матье. Эта работа во многом отражает сложившееся в настоящее время состояние дел в изучении Текстов пирамид, особенно, в России, при котором свою актуальность все еще сохраняют работы начала и середины XX в.

Теоретические и методологические основы исследования

В этой работе предлагается подход, в рамках которого специфика Текстов пирамид определяется через их рассмотрение как продукта взаимодействия устной и письменной культуры в условиях их сосуществования на этапе становления письменной традиции. В связи с этим уделяется внимание как

структурам устного дискурса в Текстах пирамид, так и композиционным и образным средствам, присущим изобразительной, дописьменной традиции.

Методологическую базу исследования составили, с одной стороны, лингвистические подходы к анализу дискурса и текстопорождения, а с другой стороны, методы структурного анализа мифа и ритуала.

Поскольку тексты пирамиды Униса являются первым пространственным письменным текстом для сравнительно-исторического анализа мифологических и ритуальных представлений нами привлекаются данные археологии, изобразительные и архитектурные памятники, начиная с додинастического периода. Помимо того, что такие хронологические рамки позволяют избежать «модернизации», они в известной степени воспроизводят контекст создания текстов пирамиды Униса, ключевой характеристикой которого является отсутствие монументальных письменных текстов. Возникновение этих текстов создало прецедент, спровоцировавший определенную рефлексию и дальнейшее концептуальное развитие памятников этого типа: «широкий масштаб различий между Унисом и более поздними пирамидами – наиболее показательный признак изменений в программах оформления, произошедших с началом VI династии» (Hauss Н.М., 2009). Для понимания сути этих различий, равно как и природы преемственности текстов пирамиды Униса предшествующей традиции нам представляется важным в данном случае избежать сравнений с более поздними памятниками.

Цели и задачи исследования

Цель данной работы – выявление идеологической программы Текстов пирамид, определяющей их единство и специфику в рамках древнеегипетской религиозной практики.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

выявить категории, которыми определялось восприятие письменного текста в Древнем Египте;

определить специфику восприятия Текстов пирамид древними египтянами;

выявить общие культурные модели, определяющие восприятие проблем смерти и воскресения в древнеегипетской религиозной культуре;

описать их реализацию в Текстах пирамид на вербальном, акциональном и архитектурном уровне;

определить синтагматическую структуру Текстов пирамид и композиционные средства, обеспечивающие их целостность;

описать реализацию указанных моделей на мифологическом и ритуальном уровне в рамках царской идеологии.

Объект исследования

Тексты пирамиды Униса, первый комплекс Текстов пирамид, отличаются от последующих памятников как наилучшей сохранностью, так и содержанием и структурой. На фоне текстов пирамиды Униса остальные тексты демонстрируют, с одной стороны, вариативность, а с другой – становление некоего стереотипа. Кроме того, в силу своего пограничного положения, тексты пирамиды Униса более тесно связаны и с существовавшими на тот момент традициями изобразительного и архитектурного оформления сакрального пространства, из которых они в значительной степени заимствовали композиционные принципы. Эти соображения обусловили выбор текстов пирамиды Униса в качестве объекта изучения в рамках данного исследования.

Предмет исследования

Тексты пирамиды Униса являются настоящей инновацией – впервые тексты такого объема были записаны во внутренних помещениях гробницы, в непосредственной близости от тела умершего. Это определяет два основных аспекта, с которых данный комплекс текстов рассматривается в работе – 1) какие культурные механизмы, принципы религиозной практики сделали возможным это нововведение, то есть, какова связь этой инновации с предшествующей традицией, 2) с какими изменениями и нововведениями в религиозной практике и религиозном мировоззрении можно связать появление текстов в пирамиде Униса.

Новизна исследования

В данной работе на основе критического анализа предшествующей традиции публикации и интерпретации памятника, предлагается новое определение объекта изучения с учетом категорий древнеегипетской культуры. В результате анализа трансформаций памятника, связанных с его рецепцией египтологической наукой, был выявлен ряд существенных для египетской культуры характеристик сакрального текста, которые в результате принятой в египтологии герменевтической модели на протяжении долгого времени оказывались исключенными из интерпретации Текстов пирамид. Сюда относится культурно маркированная и обладающая магическими свойствами система письменности; структурообразующая роль повтора в построении текста, восходящая на уровне внутренней структуры изречений к механизмам порождения текста в устной культуре, а на композиционном уровне отражающая структуру связанного с текстом переходного обряда. Цельность памятника в большой степени оказывается связанной с проблемой целостности личности погребенного в пирамиде фараона, что подчеркивает необходимость рассматривать комплекс текстов каждой пирамиды как отдельный, индивидуализированный памятник.

Внутренняя структура Текстов пирамид впервые была реконструирована с учетом не только речевого, но и материального контекста, определяемого их специфическими функциями как памятника сакральной коммуникации. Также была определена функция Текстов пирамид в рамках царской идеологии и царского заупокойного культа за счет выделения основных тем и связанных с ними семантических трансформаций, отражающих посмертную судьбу фараона и включение его в новый контекст «иного мира». Анализ ритуальных текстов позволил более явно выделить функции заупокойного жертвенного культа в эпоху Древнего Царства, в рамках которого осуществлялся постоянный обмен между миром людей и миром богов, опосредованный фигурами умершего фараона и его наследника.

В работе выявляется специфика отражения мифа и ритуала в Текстах пирамид. В отличие от традиционных для египтологии поисков конкретного мифологического повествования или обряда, выявляется ряд моделей, реализующихся как в тексте, так и в ритуале. Рассмотрение основных категорий Текстов Пирамид в контексте более широкой культурной практики позволяет, с одной стороны, уточнить перевод самих текстов, а с другой – выявляет новые смыслы самих категорий, крайне важных как для понимания религиозной практики в целом, так и для анализа идеологии царской власти.

Таким образом, проведенный в данной работе анализ позволяет впервые выявить структуру и функции текстов пирамиды Униса, углубить понимание их роли и места в развитии древнеегипетской заупокойной литературы, выявить значение ряда важных категорий древнеегипетской культуры на самом раннем этапе их письменной фиксации, а также сформулировать стоящую за этим памятником мифо-ритуальную модель мира и человеческого общества, в центре которой находится фараон как главный субъект утверждения космического порядка *maat*. В целом данное исследование позволяет включить этот важный памятник в круг источников изучения древнеегипетской культуры, а также делает его доступным для изучения за пределами египтологии.

Положения, выносимые на защиту

1) Внутренняя структура основной текстуальной единицы Текстов пирамид – изречения, – определяется механизмами порождения текстов в устной традиции и основана на синтагматическом членении речи. В работе выявляется синтагматическая структура Текстов пирамид: обосновываются принципы сегментации текста на синтагмы и выявляются основные приемы, обеспечивающие связность текста.

2) Определенная таким образом локальная структура дискурса позволяет выявить используемую в Текстах пирамид систему бинарных оппозиций. Происходящие в рамках этой системы семантические трансформации являются основой мифо-ритуальной трансформации умершего фараона в божество иного

мира, вечного гаранта космического порядка, что и составляет ритуальную и космогоническую программу памятника.

3) Реализация выявленной идеологической программы Текстов пирамид в рамках погребальной практики и заупокойного культа составляла основную функцию письменной фиксации памятника: письменная фиксация Текстов пирамид не обусловлена механизмами культурной памяти, а определяется форматом особой сакральной коммуникации. Свойство надписанного объекта в условиях господства устной традиции (и, соответственно, практики чтения вслух) служить самостоятельным носителем и транслятором текста в египетской культуре было расширено: иероглифическая письменность приобрела, фактически, космогонические функции – способность преобразовывать слова в объекты реальной действительности.

4) Тесная связь иероглифики с изобразительными средствами оформления сакрального пространства предопределила композиционные приемы организации текста на уровне архитектурного контекста: изречения, объединяющиеся в группы и представляющие собой сравнительно замкнутые текстуальные единицы, организуются по принципу регистров рельефного изображения, объединяемых фигурой фараона – главного объекта референции Текстов пирамид, – и общей тематикой группы, задаваемой в ее первом изречении.

5) Единство Текстов пирамид определяется прежде всего единством архитектурного контекста – пирамиды. В отличие от египтологических концепций, предполагающих линейное прочтение Текстов пирамид из одного помещения в другое, в данной работе предлагается рассматривать пирамиду и две камеры с текстами как троичную структуру, в которой помещения образуют бинарную оппозицию. Такой способ интерпретации подтверждается как принципами оформления текста, так и трактовкой образа фараона в текстах обоих помещений. Это позволяет говорить о том, что тексты обеих камер в целом отражают двойственную природу фараона и двойственность его состояния после смерти, которые, тем не менее, объединяются общим пространством пирамиды,

выступающим как первоход — место нового рождения фараона и космоса в целом.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Исследование посвящено актуальной проблеме процессов текстопорождения и, в частности, взаимодействия устной и письменной культур на ранней стадии развития письменности. Комплексный анализ древнего религиозного текста имеет теоретическую и практическую значимость для сравнительного изучения религий, для анализа сакральных текстов. Работа выполнена на основе изучения оригинального древнеегипетского текста и сопровождается авторскими переводами изречений, многие из которых в данный момент не опубликованы на русском языке.

Апробация исследования

Важнейшие положения диссертации изложены автором в публикациях, в докладах на учебно-научных семинарах «Методологические проблемы исследования социо-культурных систем» и «Актуальные проблемы религиоведения», проводимых Центром изучения религий РГГУ, на семинаре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, на круглых столах «Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости» и «Язык(и) древнеегипетской культуры: чтение, понимание, перевод», организованных Университетом Дмитрия Пожарского и Русским фондом содействия образованию и науке.

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав и заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала, одного приложения (набранный автором работы иероглифический текст изречений пирамиды Униса).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Во введении обосновывается выбор темы, освещается степень ее изученности и основные проблемы, определяются цели и принципы исследования, его научная новизна и практическая значимость.

Глава 1. Проблема прочтения и понимания: от надписи к тексту

Глава посвящена методологическим проблемам интерпретации Текстов пирамид и более четкому определению объекта исследования.

Начиная с публикации К. Зете, определившей направление исследования Текстов пирамид в XX в., этот памятник воспринимался как своеобразный «сборник» заупокойных текстов, в связи с чем внутренняя структура текстов каждой пирамиды растворилась в общем комплексе изречений. Таким образом, в процессе рецепции европейской наукой Тексты пирамид претерпели ряд трансформаций, вызванных адаптацией древнего текста к представлениям современной книжной культуры.

Прежде всего, было необходимо перенести изречения со стен на страницы книги, что вызвало к жизни неразрешимую проблему направления чтения текстов: в рамках каждой отдельной поверхности оно определяется однозначно, но вот порядок чтения текстов стен и самих помещений стал предметом дискуссий и едва ли этой проблеме возможно найти решение. Кроме того, повторяющиеся изречения даже одной пирамиды в издании К. Зете располагались под одним номером в соответствии с их первым появлением, что длительное время скрывало их ритуальную функцию, позволяющую распознать в них элемент «грамматики» переходного обряда – очистительные изречения соответствуют границам определенных этапов ритуальных действий, выполняя отделительную и защитную функцию. Даже самой роли иероглифической фиксации не уделялось должного внимания, поскольку автографическая передача текста в издании К. Зете как бы маскировала от исследователей этот важный

аспект памятника. В результате на базе издания К. Зете было подготовлено множество филологических и лингвистических исследований Текстов пирамид, но целостная интерпретация памятника как текста в прямом смысле слова была невозможна.

Даже само название «Тексты пирамид» в египтологии применяется к текстам весьма различного рода, хотя их «узкое» определение было сформулировано еще во времена А. Эрмана как текстов, записанных в царских гробницах конца Древнего царства. Тем не менее, на протяжении XX в. были составлены разнообразные индексы, фиксирующие повторения изречений пирамид в текстах более поздних эпох (Allen J. P., 2006; Allen T. G., 1950), и вопрос о соотношении между ними до сих пор служит серьезным полем для дискуссий (Bickel S., Mathieu B., 2004). В связи с этим необходимо определить, воспринимались ли Тексты пирамид как некий особый памятник самими египтянами, или же эти разнообразные воспроизведения изречений говорят о том, что данное название — лишь научная конструкция. Представляется, что египетские памятники позволяют утверждать, что Тексты пирамид действительно воспринимались египтянами как особый памятник, основным свойством которого была его письменная фиксация на каменных блоках, которые, кстати, будучи подносимыми в качестве заупокойной жертвы, могли исчисляться как символическими, так и вполне реальными цифрами (Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А., 2012).

Это особое восприятие письменности определяет одно из характерных свойств Текстов пирамид, отмеченных еще Б.А. Тураевым (Тураев Б.А., 1920), а в последнее время ставшее объектом пристального внимания Х. Хейса (Hays Н.М., 2006; 2009; 2012). Речь идет о редактуре грамматического лица изречений при их переносе на стены. Х. Хейс выделяет два типа перформативной структуры Текстов пирамид в зависимости от грамматического лица бенефициария, то есть фараона: жреческую, в которой к фараону обращаются во втором грамматическом лице; и персональную, в которой референция к бенефициарию в

третьем грамматическом лице является, по предположению Х. Хейса, следствием редактуры текстов из первого грамматического лица. Однако внимательное исследование показывает, что далеко не во всех случаях реконструируемое первое лицо относится к фараону. Более логичным представляется не реконструировать «изначальную» перформативную структуру текста, а попытаться найти объяснение этой редактуре с точки зрения процесса создания Текстов пирамид.

Представляется, что это объяснение может быть найдено в восприятии письменных текстов на ранней стадии становления письменной культуры. Изначальной сферой применения письменности оказывается погребальный контекст, в котором надписи, прежде всего, выполняют функцию фиксации имени (Wengrow D., 2011). При появлении более пространных надписей несущий их объект начинает восприниматься как самостоятельный адресант текста, заменяющий отсутствующего автора надписи (Svenbro J., 1993). Это свойство ранних текстов и формирует их специфическую личную перформативную структуру, при которой как бы сам текст обращается к «читателю» от первого лица, например: *«Летит, летит! Люди! Летит Унис от вас!»* (РТ 302). Таким образом, указанная редактура грамматического лица направлена на создание единой перформативной структуры текста, что можно считать важным фактором обеспечения целостности памятника, учитывая разнородность исходного материала.

Такое понимание перформативной структуры текста прекрасно согласуется и с функцией иероглифической письменности в религиозной практике. Учитывая ее восприятие как божественной речи, становится понятно, что религиозная иероглифическая надпись не нуждается в читателе, которого и невозможно определить для Текстов пирамид, поскольку внутреннее пространство гробницы по завершении церемоний было наглухо замуровано. Иероглифика как «речь бога» обладала важным свойством – способностью преобразовывать слова в предметы (Чегодаев М.А., 2007). С этим связана ее роль в жертвенном культе,

которая прекрасно иллюстрируется ритуальными изречениями Текстов пирамид, совмещающими жертвенные формулы с названиями приношений и даже ритуальных действий: «*Осирис Унис, укреплено тебе Око Хора, поднял ты его на лицо свое | поднятие одного хлеба и одного пива*» (РТ 92). Кроме того, сам комплекс текстов отдельной пирамиды, характеризуемый египтянами как «книга бога» – полнота божественной мудрости, являлся средством нового творения космического порядка, нарушенного смертью сакрального правителя, фараона.

Глава 2. Структура текста

Учитывая религиозные функции как самой письменности, так и создаваемого текста, не трудно предположить, что структура текста также во многом обусловлена религиозными представлениями. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть дотекстовые структуры (Неклюдов С. Ю., 2000), организующие создание различных культурных текстов – как вербальных, так и невербальных, что особенно важно, учитывая переплетение ритуальных и мифологических текстов в Текстах пирамид, а также их тесную связь с архитектурным контекстом.

Прежде всего, обращает на себя внимание проявление структуры переходного обряда. Так, первая целостная интерпретация Текстов пирамид была предложена М.Э. Матье, которая считала необходимым реконструировать их как повествование, основанное на синтагматике погребального обряда. Однако оказывается крайне показательной сама подборка привлекаемых ею источников: в нее входят ритуал коронационных мистерий Сенусерта I (входивший в состав погребальных мистерий Аменемхета I); тексты с упоминанием этапов мистерий Осириса времени Среднего царства; изображения и тексты обрядов заупокойного ритуала (Матье М.Э., 1947). Речь, по сути, идет не столько о синтагматике конкретного погребального обряда, а о структуре обрядов перехода как таковой. Эта проблематика также проявляется, с одной стороны, в «мифологической» интерпретации Дж. Алленом Текстов пирамид как описания загробного путешествия (то есть, по сути, *перехода*) фараона из Дуата в Небо, а с другой

стороны, эта же структура в качестве «ритуальной» интерпретации проявляется в работе Дж. Найдлера, который на основе структурного анализа текстов пирамид Униса пытается доказать их инициационный, а не погребальный характер.

При этом показательно, что сам А. ван Геннеп (Gennep A. van, 1909) широко использует египтологический материал при описании обрядов перехода, в то время как в египтологии его работы заслужили мало внимания. В библиографию исследования Дж. Найдлера не вошла ни работа самого А. ван Геннепа, ни В. Тэрнера (Turner V., 1967, 1974), развившего его теорию. Проявление той же модели в фольклорных текстах впервые проследил В.Я. Пропп (Пропп В.Я., 1928), что характерно, также сделавший вывод об инициатических истоках волшебной сказки. Его исследование было переосмыслено А.-Ж. Греймасом (Greimas A. J., 1966) с точки зрения парадигматической, а не синтагматической роли трансформационной модели в развитии повествования, что делает ее более применимой к менее структурированным, нежели волшебная сказка, текстам. На основе этих исследований оказывается возможным проследить в Текстах пирамид проявление трансформационной и соответствующей ей актантной моделей, в рамках которых смерть и воскресение фараона интерпретируются в терминах борьбы Хора и Сетха, ставшей причиной их увечий, устранение которых оказывается предпосылкой восстановления космического порядка. Эта модель не подразумевает повествования как жесткой синтагматической последовательности событий. Задавая общую смысловую канву, она проявляется как на уровне жертвенного ритуала и обряда «отверзания уст и очей», так и в более пространственных повествовательных фрагментах.

Сам способ ее реализации в ряде коммуникативных ситуаций выявляет еще одну глубинную структуру, которую можно обозначить как мифологический сценарий. Задавая общую структуру ситуации, в которой участвуют одно или два действующих лица, между которыми в свою очередь могут выстраиваться равноправные или неравноправные отношения, мифологический сценарий может

выражаться в тексте с разной степенью подробности. Кроме того, он же служит и основой своеобразного «ритуального текста», выражающегося в символическом наборе жертв, сопровождающих обряд «отверзания уст и очей». Выявление такой структурной единицы как мифологический сценарий позволяет прояснить особенности проявления мифа в ранних религиозных текстах и ответить на вопрос, поставленный в свое время Ж. Лекляном, являются ли изречения Текстов пирамид разрозненными проявлениями уже сложившихся мифов или мифы эти были систематизированы уже позже. Как представляется, на этапе актуальной мифологии миф существует не в виде готового целостного повествования, а в качестве некой модели, которая при определенных условиях может быть реализована в конкретном повествовании.

Еще одной важной моделью, за счет которой обеспечивается целостность текста, является модель часть/целое. Эта модель является основой столь характерного для ранних текстов, в том числе и для ранней египетской литературы, жанра списков или перечней, содержащих подробное перечисление качеств или атрибутов. Такие списки во множестве появляются в изречениях Текстов пирамид, а также служат композиционной основой более крупных фрагментов текста. Характерным примером проявления этой модели являются тексты, уподобляющие покойного Атуму – воплощению целостности и полноты: *«Рука твоя – в Атуме / Плечи твои – в Атуме / Живот твой – в Атуме / Спина твоя – в Атуме / Зад твой – в Атуме / Ноги твои – в Атуме / Лицо твоё – в Анубисе»* (РТ 213).

С точки зрения рассмотрения языковой реализации указанных моделей, одной из ключевых проблем определения структуры Текстов пирамид становится проблема сегментации. Структура изречений, наследующих древней устной традиции, основана на синтагмах, которыми и порождается речь в устном дискурсе. Принципы синтагматического членения египетских текстов, а также роль воссоздания этого членения для адекватного их восприятия при смене строя языка в эпоху Нового царства, были рассмотрены Н.С. Петровским

характерный принцип построения изобразительной композиции, в которой регистры, содержащие ряд тематических сцен, объединяются общим изображением фараона или покойного, наблюдающего за одновременно происходящими событиями. Этот принцип построения текста вообще характерен для мифологических повествований, в связи с чем К. Леви-Стросс сравнивает принципы чтения такого повествования с чтением оркестровой партитуры (Lévi-Strauss C., 1958).

Само пространство пирамиды также являлось средством передачи определенных смыслов. Показательно, что появление текстов в пирамиде Униса произошло сразу же после утверждения внутренней планировки гробницы при его предшественнике Джедкара-Исеси. История эволюции царского заупокойного комплекса на протяжении эпохи Древнего царства демонстрирует постоянное стремление максимально адекватно воплотить представление о двойственности природы фараона. Эта эволюция начинается с двух заупокойных сооружений, одно из которых являлось гробницей, а второе имело культовую функцию. Кроме того, уже с I династии наблюдается параллелизм захоронений в некрополях Абидоса и Саккары. По мнению Д. Венгроу, это выявляет представление о символической связи тела фараона с Двумя Землями Египта, требовавшее двух царских гробниц (Wengrow D., 2011). Это предположение, как кажется, подтверждается и целой серией небольших ступенчатых пирамид, возведенных последним фараоном III династии Хуни на всей протяженности нильской долины.

Характерное для пирамид с текстами появление Центральной камеры, расположенной прямо по центральной оси пирамиды восточнее Погребальной камеры, как представляется, отражает представления уже о солярной природе фараона и наследует практике дополнения пирамиды солнечным храмом. Археологически зафиксированы 2 солнечных храма – Усеркафа и Ниусерра, хотя письменные источники свидетельствуют о том, что все фараоны V династии до Джедкара-Исеси имели солнечные храмы в дополнение к пирамидным комплексам. Примечательно, что именно в пирамидном комплексе Джедкара-

Исеси, отказавшегося от солнечного храма, воплощен «нормативный» тип пирамиды, который, будучи снабжен текстами при Унисе, останется неизменным до конца VI династии и, фактически, падения Древнего Царства. Соотношение солнечного храма с пирамидным комплексом можно уподобить отношениям между большим и малым солнцем (Берлев О.Д., 2003), воплощенным в архитектуре. Именно в эпоху V династии теологическое осмысление фараона как сына Солнца и «бога во плоти», появляющееся еще при IV династии, окончательно закрепляется в царской титулатуре в титуле «сын Ра» и золотом имени. В связи с этим снабжение пирамиды Нефериркара из его солнечного храма, свидетельства чему есть в Абусирском папирусе, соотносится с Текстами Пирамид в их утверждении об обеспечении фараона в свите Ра и от его жертвенника.

Таким образом, два помещения пирамиды в целом отражают двойственность природы фараона и его состояния после смерти.

Глава 3. Идеологическая программа текстов пирамиды Униса

Глава посвящена комплексному рассмотрению содержания текстов на основе выявленных в предыдущей главе принципов организации текста.

На уровне царской идеологии выделяются несколько персонажей, с которыми отождествляется фараон. Прежде всего он характеризуется как Хор, что в целом можно интерпретировать как «Первый из...» – титул, сопоставимый с также часто употребляемым по отношению к умершему фараону, Анубису и Осирису титулом «Предстоящий западным». Хор, изображаемый в виде сокола, с первых династий был солнечным божеством царской власти. В этой своей роли фараон, как «младшее солнце», соотносился с Ра и Атумом и являлся гарантом поддержания космического порядка *маат*, защиты его от враждебных сил хаоса. В Текстах пирамид эта роль фараона отражена как в непосредственных описаниях его победы над противниками, так и в крайне любопытных описаниях космогонии, хотя и не содержащих пространных повествований, но невероятно красочно проявляющих бинарную структуру египетского космоса.

Однако в Текстах пирамид Хор называется и сыном Осириса. В этой ситуации устанавливаются отношения наследования власти между умершим фараоном-Осирисом и его преемником-Хором. В рамках совершаемого погребального обряда фараон-Хор посредством жертв обеспечивает воскресение своего «отца»-Осириса, который должен занять трон правителя мертвых в Дуате: *«Сын его Хор <...> Дал он восхождение его в качестве Бога-Великого в Кебеху»* (РТ 303). Кроме того, воскресший Осирис становится и богом плодородия, обеспечивающим разливы Нила. Тексты пирамид содержат показательное изречение, в котором жертвенные формулы, отражающие поднесение Ока Хора умершему фараону, фактически, развернуты и уже сам воскресший фараон возвращает жертвенные дары Хору и всему олицетворяемому им Египту: *«Пришел Унис к тебе, Хор-Восточный / Смотри! Принес тебе Унис Око твоё великое, восточное, возлюбленное / Взял ты его из руки Униса здоровое»* (РТ 301). Таким образом в Текстах пирамид находит отражение глубокая теологическая основа царского заупокойного культа.

Заключение

В Заключении формулируются основные выводы работы.

Определение синтагматической и парадигматической структуры текстов пирамиды Униса позволяет охарактеризовать специфику воплощения в этом раннем религиозном тексте мифа как способа восприятия действительности. Представляется, что в связи с принципами построения текста методом своеобразного «монтажа» на основе авантекста, эволюцию заупокойной литературы как в рамках самих Текстов пирамид, так и в связи с более поздней традицией следует искать не на уровне текста, как это обычно делается в египтологических исследованиях, а на уровне идеологической программы, то есть основных моделей и принципов построения текста. Проявляясь прежде всего в интерпретации пространства гробницы, оформляемого соответствующими текстами, она, безусловно, менялась при перенесении их на саркофаги или на стены храмов.

Сами же тексты пирамиды Униса, появившись в нормативном погребальном комплексе конца Древнего царства, отражают заключительный этап мифо-ритуального моделирования представлений о природе фараона. Они содержат в себе невероятно сложную картину не только загробного пути умершего, но и всей структуры египетского мироздания, в которой фараон занимал ключевое положение, соединяя в себе божественную и человеческую, хтоническую и солярную природу. Мифологический контекст Текстов пирамид невозможно ограничить исключительно вопросами посмертного бытия умершего фараона, поскольку в них непосредственно отражаются и потребности человеческого социума. Естественно, что в этой работе невозможно дать исчерпывающее описание такого сложного памятника, однако представляется, что это может дать более ясные основания для упорядочения имеющегося материала и для дальнейших исследований.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. К проблеме прочтения надписей пирамид Саккары // Вестник РГГУ, № 17, Культурология, 2011, С. 126–133 (0,5 п.л.)
2. Мифологический сценарий: миф в раннем религиозном тексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (20), Ч. 2, 2012. С. 16–17 (0,3 п.л.)
3. Трансформационная модель текстов пирамиды Униса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (20), Ч. 2, 2012. С. 18–21 (0,5 п.л.)
4. Ритуальная коммуникация в текстах пирамиды Униса // Вестник РГГУ, № 17 (67), Серия «Философские науки. Религиоведение», 2012, С. 230–237 (0,4 п.л.)

Всего: 1,7 п.л.

Подписано в печать 11.10.2013

Заказ № 11922

Тираж 100 экз.

Объем 1 п.л.

Отпечатано:

ООО «ВП24»

г. Москва, ул. Трубная, д. 21

Телефон 651-64-48

www.vp24.ru

Ойсухайсей Вүний сүфранан -
- 7 ч 26.